

Сетевая власть и социальный порядок

Аннотация

В эпоху модерна социальный порядок осуществлялся в границах локального сообщества. Пространство было важным условием взаимодействия социальных акторов. Однако сегодня его значение в качестве важного условия социального порядка утрачивается. Меняется механизм рефлексии о пространстве как функции целей и техник управления обществом. Соответственно проблема установления того или иного типа социального порядка выходит за рамки деятельности отдельного государства и органов его управления. Проблема социального порядка, которая традиционно рассматривалась в рамках отдельного локального сообщества, сегодня требует для ее решения кардинального изменения точки зрения, перехода от идеи национального территориального государства, контролирующего определенную территорию, к понятию глобального сообщества.

Ключевые слова: *социальный порядок, пространство, социальная сеть, сетевое государство, глобализация*

Теоретическое развитие социальных наук определялось поиском ответов на три связанных между собой вопроса: (1) “что такое социальное действие?”, (2) “что такое социальный порядок?” и (3) “что такое социальное изменение?”. При этом предполагается, что социальные действия социальных акторов приводят, с одной стороны, к образованию социального порядка, с другой — к различным социальным изменениям.

Одним из первых проблемой социального порядка заинтересовался Томас Гоббс. Т. Гоббс пытался вывести определяющие условия социального порядка из гипотетического состояния, когда люди живут и действуют в естественном состоянии, не ограниченные внешними правилами и законами.

Они будут действовать, ориентируясь на полезность, пытаясь избежать боли и достичь удовольствия. Результатом такой ситуации будет каждодневное насилие и связанное с ним чувство страха, незащищенности, неуверенности. Когда каждый преследует собственную выгоду, возникает дефицит доверия и разрушаются все социальные связи между людьми. Согласно Т.Гоббсу, война всех против всех является результатом таких действий людей. Существует один способ прекратить войну и положить конец насилию: это подчинение всех людей единой воле, авторитету суверена или государства, которое бы остановило войну всех против всех, утвердило монополию на насилие и принудило всех граждан к мирному сосуществованию.

У Джона Локка и Адама Смита было другое представление о способах установления социального порядка. Они полагали, что ориентированные на полезность действия людей можно сделать безвредными, если они будут включены в сферу торговли. Ведь торговля ориентирована на полезность и приносит выгоду всем участникам рынка, благодаря чему становится возможным устойчивый социальный порядок, основанный на рыночных отношениях.

Не буду специально останавливаться на других более современных концепциях социального порядка. Проблемой социального порядка занимался целый ряд социологов различных направлений и взглядов. Его исследовали Г.Зиммель и Ю.Хабермас, Э.Дюркгейм и Т.Парсонс, Ф.Тённис и М.Фуко. Исследовали ли они иерархии, рынки, группы или дискурсы, общим для них была концентрация внимания на разнообразном характере направленной на разные цели деятельности людей, которая должна быть каким-то образом скоординирована.

При этом выпускалось из виду или признавалось само собой разумеющимся такое важное условие социальной деятельности, каким является место и время, в которых она осуществляется. Несмотря на мобильность социальных акторов, результаты их деятельности всегда имеют привязку к определенному пространству и времени. Распространенное определение порядка как “координации сосуществования и взаимодействия людей” содержит в себе явные пространственные характеристики. “Координация сосуществования” означает, что некто находится в определенном месте и в определенном отношении с другими акторами и его действия соотносены с деятельностью других. Для того, чтобы соотносить свою деятельность с другими, я должен иметь представление о том, где я нахожусь и где находятся другие и что они делают. Но как происходит координация? Она происходит стихийно или ей кто-то управляет? Координация сосуществования ставит вопрос об управлении и тем самым вопрос о власти, вопрос политический. Можно предположить, что наиболее радикально координация сосуществования осуществляется в тоталитарных режимах.

Социальное пространство, в котором действуют социальные акторы, не является однородным, оно всегда сегментировано, разделено на определенные территории. Частное и публичное, сакральное и мирское, городское и сельское, пространство семьи и социальное пространство, пространство досуга и пространство труда. Социальное пространство является гетерогенным, находясь в том или ином пространстве, мы попадаем в разные системы отношений.

Несмотря на гетерогенный характер социального пространства, когда речь идет о социальном порядке, мыслится определенный тип социального пространства, отличный от перечисленных выше дихотомий. Таким типом социального пространства выступает государство, обеспечивающее контроль и управление на определенной территории.

Итак, какие бы формы социальной деятельности мы ни рассматривали, как бы они ни противоречили друг другу, пространство, в котором они разворачивались, как правило, ограничивалось территорией национального государства, с его централизованным, “рационализированным”, иерархически упорядоченным, привязанным к одной определенной территории характером.

Поэтому проблема порядка в конечном счете упирается в понятие национального государства, и его изменения предполагают изменения в системе управления государством.

Конец паноптической системы. Пространство и власть

В эпоху Макиавелли правитель придерживался политики завоевания новых территорий и сохранения уже завоеванных. Перед ним стояла задача, каким образом завладеть территорией, установить над ней власть и каким образом её расширить. Политической проблемой суверенитета была проблема гарантий территориальной власти государя. Связь суверенитета и территории устанавливала тем самым *принцип пространственно обоснованного понятия власти*.

Так идея политически эффективного суверенитета оказывалась неотделимой от идеи управления населением, расположенным на определенной территории.

В связи с глобальными процессами, предполагаемая связь государства, общества, индивида и территории и основанная на ней система порядка начали рассыпаться. Глобальные процессы подразумевают такое состояние общества, для которого территориально-государственные гарантии порядка теряют свою обязательность.

Если государство модерна пыталось объединить в единый пучок социальную, политическую и экономическую активность своих граждан, то современные процессы, связанные с глобализацией, приводят к эрозии государственных структур. Эта эрозия проявляется в деятельности различных транснациональных институтов, которые не признают границ и тем самым подвергают сомнению наличие территориального принципа национального государства и его способность обеспечить благосостояние своих граждан. 53% экономического роста обеспечивается транснациональными компаниями, а не предприятиями, действующими в отдельной стране. Отдельным государствам и их правительствам становится всё труднее обеспечивать занятость и благосостояние граждан.

Как отмечает У.Бек, для национального государства свойственно отождествление пространства и социальной дистанции, тогда как в глобальном мире возможна совместная жизнь, социальная близость, несмотря на географическую дистанцию. Способность электронной коммуникации установить одновременную и взаимную связь между различными лицами, пренебрегая границами между странами и континентами, принципиально изме-

няет понятие пространственной дистанции. Электронная коммуникация опирается не на родственные, социальные или традиционные отношения, а на общность интересов.

Практически мгновенная коммуникация, благодаря которой континенты утрачивают свою пространственную отдаленность, позволяет некоторым исследователям утверждать об “исчезновении географии” (П.Вирилио).

Развитие информационных технологий сделало возможным использование метафоры сети, характеризующей возможность работы и сотрудничества социальных акторов на расстоянии в режиме реального времени. Понятие сети стало использоваться при изучении структур со слабо выраженной либо вовсе отсутствующей иерархией, которые не ограничены заранее данными рамками.

Метафора сети появляется, как правило, тогда, когда речь идет о дистанционной работе в информационных сетях или о работе в автономных командах, которые не связаны ни единством места, ни единством времени.

Если в недавнем прошлом термин “сеть” относился к техническим сетям распределения, то теперь он используется как для описания нового характера социальной жизни, так и для изучения новых форм властных отношений.

Как отмечает Ю.Хабермас: “Сеть” превратилась в ключевое слово, независимо от того, идет ли речь о путях перевозки товаров и пассажиров; о потоках товаров, капитала и денег; об электронном переносе и обработке информации или же о кругообороте между человеком, техникой и природой” [Хабермас, 2001: с. 279]. Понятие сети, считает Хабермас, применимо и к межконтинентальному распространению телекоммуникации, массового туризма и массовой культуры, и к преодолевающим границы рискам, имеющим отношение к технике крупных предприятий, и к торговле оружием, и к проявляющимся в мировом масштабе побочным воздействиям со стороны перегруженных экосистем, и к международному сотрудничеству правительственных и неправительственных организаций.

Понятие сети позволяет проследить преобразование государства как особой формы социальной организации, изменение его роли, структуры и функций, его эволюционирование в новую форму государства — в сетевое государство. Сообразно понятию сети меняется представление и о государстве, и о связанном с ним обществе. В связи с понятием сети общество предстает не как определенное политическое единство, привязанное к определенной территории, а как единство локальных и глобальных ансамблей. Оно формируется в точках пересечения сетей — экономической, культурной, политической, технологической, военной и т.п., причем каждая из них обладает собственной пространственно-временной конфигурацией. Как отмечает М.Кастельс: “Общества как национальные общества становятся сегментированными и постоянно видоизменяются под воздействием динамических сетей в их исторически унаследованных социальных структурах” [Кастельс, 2016: 2, с. 36].

Сети не имеют фиксированных границ, они могут расширяться и сужаться или вступать в контакт с другими сетями. Это приводит к тому, что социальная динамика, формирующаяся вокруг сетей, действует в направлении исчезновения территориального государства как стабильной формы социальной организации. Собственно новая концепция общества предполагает

его понимание в качестве конфигурации глобальных, национальных и локальных сетей в многомерном пространстве социального взаимодействия.

В таком обществе социальная жизнь для индивидов сплетается из сети встреч и знакомств, из временных, но постоянно готовых возобновиться связей с различными группами, которым не препятствует ни социальная, ни профессиональная или культурная идентификация. Установление такого мира сопровождается появлением новых систем ценностей.

Например, то, как происходит сплетение медийной и приватной сетей и устанавливается новая система ценностей, снимающая разграничения на частное и публичное, французский социолог Жан Бодрийяр показал на примере американской семьи Лаудов. В 1971 году в американских масс-медиа происходил эксперимент реалити-шоу над американской семьей Лауд: семь месяцев непрерывной съемки, триста часов прямого вещания, без сценария и постановки, одиссея одной семьи, ее драмы, ее радости.

Традиционная система порядка покоилась на предположении о существовании объективного пространства и всемогущества деспотического надзора. Понятие надзора также предполагает, что тому, кто наблюдает, известно нечто недоступное тому, за кем наблюдают. Когда происходит телевизионная съемка семьи Лауд, данное различие перестает действовать, поскольку посредством телевидения эта семья может наблюдать, как телевидение наблюдает за ней. Такая ситуация позволяла Бодрийяру заявить, что присутствие медиума не позволяет выделить его воздействие, оно растворяется в жизни (“растворение телевидения в жизни, растворение жизни в телевидении”).

Сеть и суверенитет национального государства

Попробуем определить, насколько глобальные сети ослабляют способность национального государства поддерживать социальный порядок и автономно регулировать обменные процессы с внешним миром.

Уже в классическом обеспечении порядка и организации ощущается убывающая сила национального государства. Ярким примером являются вооруженные конфликты, протекающие между суверенными государствами, которые для своего завершения требуют вмешательства международного сообщества и его организаций. Недостаток политического контроля со стороны отдельного государства компенсируется на международном уровне. Национальное государство не может в одностороннем порядке справиться с экологическими проблемами (Чернобыль, кислотные дожди, озоновая дыра и др.).

В сфере экономики ускоренная мобильность инвестиционного капитала, перетекающего по глобальным финансовым сетям, значительно снижает способность государства контролировать прибыль и денежные состояния, что приводит к уменьшению государственных доходов от налогов.

Растущие взаимосвязи в сфере мировой политики и экономике, образование таких организаций, как Международный валютный фонд и Всемирный банк или возникшая из соглашения ГАТТ (1948) Всемирная торговая организация, приводят к тому, что национальная политика перестает отражать судьбу национального сообщества и стирается грань между внутренней и внешней политикой.

Одновременно происходит воздействие и на “культурный субстрат гражданской солидарности” (Ю.Хабермас). Гражданская солидарность обязана своим существованием национальному государству, благодаря которому произошло изменение статуса жителя государства или его подданного на гражданина государства. Национальное государство заменило распадавшиеся корпоративные узы новоевропейского общества солидарной взаимосвязью граждан государства. Под воздействием миграционных процессов, “оборота” людей происходит размывание культурного субстрата гражданской солидарности и возникновение поликультурного общества, государство становится открытым для включения в него граждан любого происхождения, без того, чтобы они включались в единообразие однородного национального сообщества.

Внутри общества устанавливается сложный порядок, “порядок рассредоточенности” (Дж.Урри), который образуется комбинацией различных экономических, политических, культурных потоков, не обязательно связанных с регионами существующих обществ. Эти пересекающие границы потоки затрудняют государствам проведение политики, направленной на достижение целей в интересах всего общества, населяющего данный регион.

Описанные процессы ставят задачу поиска новых механизмов интеграции людей и социального порядка, который уже не контролируется со стороны национального государства.

Динамика открытости и закрытости

Современные исследователи не только описывают дезинтеграционные процессы, происходящие под воздействием глобальных сетей и потоков, но и пытаются найти пути, позволяющие достичь социальной интеграции во все более дифференцированном обществе. Так, Ю.Хабермас пытается сбалансировать дефициты управляемости и легитимации, выдвигая проект транснациональной политики вхождения в глобальные сети и их разграничения. “Правда, этот проект должен справиться с тонкой динамикой открывания и вторичного закрытия интегрированных жизненных миров” [Хабермас, 2001: с. 300].

Следует уточнить, что понятия открытого и закрытого жизненного мира у Ю.Хабермаса отличаются от распространенного их употребления, связанного с концепцией К.Поппера об открытом и закрытом обществе. Хабермас говорит о двух типах социального порядка — о порядке жизненного мира и порядке систем. Жизненный мир представляет собой упорядоченное взаимодействие, в котором представлены интерессубъективно разделяемые нормы и общие ценности, в отличие от порядка систем, где действия сопряжены друг с другом через последствия. Например, порядок систем можно описать через поведение акторов на рынке, когда только в результате действий покупателей и производителей стихийно формируется определенная цена. Если еще в 1960-х годах Хабермас противопоставлял понятия “жизненный мир” и “система”, то в последующих работах он понятие “система” стал заменять понятием “сеть”. Соответственно, понятие “сети” противоположно “жизненному миру” и связано для него с рыночными отношениями, с развитием горизонтальных связей, которые могут устанавливаться между людьми, принадлежащими к различным жизненным мирам. Это форма

“функциональной” интеграции. Иногда Хабермас называет такую интеграцию “системной”. Эти две формы интеграции взаимоналагаются друг на друга.

Хабермас считает, что в европейской истории, начиная с позднего Средневековья, происходит чередующийся процесс открывания и закрывания жизненных миров. Импульс к открыванию проистекает со стороны новых рынков, средств коммуникации, путей сообщения и культурных сетей. “При всяком новом модернизационном рывке интерсубъективно разделяемые жизненные миры открываются, чтобы реорганизоваться и вновь закрыться” [Хабермас, 2001: с. 300]. Сеть ослабляет связи с семьей, с жизненным пространством, с социальным происхождением и с традицией. Один из важных этапов открытия жизненного мира в европейской истории был связан с появлением национального государства, когда на смену сословной интеграции пришла солидарность через национальное сознание.

Сегодня опять происходит реорганизация жизненного мира под воздействием глобальных сетей, когда каждый индивид сталкивается с такой свободой, которая заставляет его полагаться на самого себя и изолирует от других, но позволяет завязать новые связи и составить новые правила совместного проживания. Такое открывание жизненного мира под воздействием глобальных сетей может привести, считает Хабермас, к “недифференцированности”, к отчуждению и беззаконию. Требуется реорганизация жизненного мира по новым правилам, в измерениях самосознания, самоопределения и самореализации. “Жизненный мир, дезинтегрированный под давлением, возникшим после его открывания, необходимо снова закрыть, на этот раз в расширенных горизонтах” [Хабермас, 2001: с. 302]. Новый социальный порядок, предполагающий единство гражданской и этнической нации, возможен вне рамок национального государства, когда каждый может обладать двойкой идентичностью, быть в собственной стране и ее жителем, и ее чужаком. А Европейский Союз может выступить первой структурой постнациональной демократии.

Порядок и дискурс

Традиционный порядок закрепляется в порядке дискурса. Когда в диалоге “Евтифрон” Платон рассуждает о причинах разногласий и вражды между людьми, он понимает, что социальный порядок предполагает определенные дискурсивные различия. “Так из-за какого же разногласия, не позволяющего нам принять решение, могли бы мы прийти в гнев и стать друг другу врагами? Быть может, тебе это не очень доступно, но проследи за тем, что я говорю: разве это не будет справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное, доброе и злое? И не из-за этого мы спорим и не можем прийти к удовлетворительному решению, становясь друг другу врагами во время таких раздоров — и я, и ты и все остальные люди?” [Платон, 1986: с. 256–257]. В данном диалоге речь идет не просто о бытовом разногласии, которое делает людей друг другу врагами, когда спорящие лица расходятся в разные стороны, безучастные друг другу. Платон говорит о разногласии, не позволяющем принять решение. Для того чтобы принять решение, необходимо достичь согласия, достигнув которого, можно начать совместные действия.

Социальный порядок — это не просто состояние, в котором пребывает данное общество, это и возможность определенного социального действия. Мы не можем осуществить коллективное действие, если у нас существует разногласие по поводу основных ценностей. Чтобы осуществить действие и прийти к порядку, мы должны сформулировать единую точку зрения и исключить противоположности.

Проблема порядка предполагает способ различения знаков, в зависимости от которого устраивается опыт сосуществования. Способ различения знаков опирается на различие реального и воображаемого, истинного и ложного, доброго и злого, справедливого и несправедливого, естественного и сверхъестественного, нормального и аномального. Способ различения реального и воображаемого, истинного и ложного, естественного и сверхъестественного определяет дискурсивные практики, характерные для данного общества. Дискурсивные практики легитимируют социальный порядок.

Если дискурс выступает мерилем социального порядка, то контроль над дискурсом является условием существования социального порядка. За способом различения истинного от ложного, реального от воображаемого, справедливого от несправедливого стоят не просто сухие академические дискуссии, а реальная борьба и кровавые схватки. “За этими словами, столь многочисленными и употреблявшимися столь долго, что суровость их уже не слышна, — за этими словами угадываются битвы, победы, раны, господство и рабство” [Фуко, 1996: с. 84].

Установление режима порядка, вероятно, начинается с решения вопроса, что можно говорить, а что говорить нельзя. В работе “Порядок дискурса”, в которой М.Фуко исследует различные способы упорядочивания дискурса, слово “порядок” означает не те принципы, на которых основывается дискурс, а те ограничения, которые на него налагаются, ведь порядок дискурса — это условие социального порядка. Упорядоченному дискурсу противоположен дискурс неупорядоченный, возникающий свободно, без социального принуждения. Свободный неупорядоченный дискурс прорывается в деятельности поэта, пророка, безумца.

М.Фуко отмечает различные формы упорядочивания дискурса: запрет, разделение и отбрасывание. Если запрет означает то, что говорить нельзя, то разделение означает лишение дискурса смысла, признание дискурса шумом. Разделение дискурса на истинный и ложный — это тоже властная функция и тоже элемент исключения. Ложное должно быть исключено. Стратегия разделения дискурса, отделение ложного от истинного поддерживается целым сонмом социальных институтов, таких как педагогика, библиотека, издательское дело и др.

Почему дискурс связан с опасностью для власти и нуждается в контроле и упорядочивании? “Но что уж такого опасного и губительного в том факте, что люди разговаривают и что их дискурсы бесконечно множатся? В чем тут опасность?” [Фуко, 1996: с. 51] — спрашивает М.Фуко.

Ведь в “любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой угрожающей материальности” [Фуко, 1996: с. 51].

Порядок утверждает себя через различие. Чтобы сохранить порядок, необходимо контролировать дискурс. Потому что, как отмечает Фуко, дискурс только с виду предстает чем-то малозначительным, на самом деле он связан с желанием и властью.

Для того чтобы определить природу современного порядка, следует выяснить, чем является современный дискурс, какими различиями он определяется. Современный дискурс включен в систему коммуникации, которая на протяжении всей своей истории контролировалась государством, его политическими и идеологическими институтами. С 1980-х началась волна либерализации политики. Посредством масс-медиа стали повсеместно утверждаться ценности индивидуализма и свободы выбора. Началось постепенное ослабление контроля национального правительства над радио и телевидением путем комбинации государственной собственности и выдачи государственных лицензий бизнес-группам.

Современный дискурс определяется социальными сетями. Он трудно уловим, неравен самому себе, от него в любой момент можно отказаться (удалить из сети), он пластичен, несубстанциален. Он демонстрирует отказ от субстанции, потому что может пластично перетекать в другой текст, и как современная власть лишена субстанционального, так и он демонстрирует смерть Бога.

Повышенное значение приобретают потоки информации и образов, что порождает новые типы контроля. Сетевые системы усиливают скорее тот тип человеческого контроля, который предполагает побуждение или убеждение посредством манипулирования информацией, нежели тот, который основан на властном политическом действии.

Появление современных информационных технологий, связанных с социальными сетями, казалось, опровергает положение Фуко об опасности дискурса. Однако на самом деле это не так, сайты популярных в сети медиа-торов общественного мнения могут подвергнуться хакерским атакам.

Любая власть основана на дискурсе. И это справедливо не только для демократических правительств, в которых любое решение должно подлежать обсуждению, но и для авторитарных правительств. Король более, чем какое-либо правительство, нуждался в широкой поддержке со стороны общества, в установленном дискурсивном порядке. Фуко пишет, что дискурс — это не просто то, посредством чего являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, и то, чем сражаются, — власть, которой стремятся завладеть.

В споре насилия с насилием превосходство правительства кажется абсолютным, и это длится лишь до тех пор, пока сохраняется властная структура правительства, то есть пока приказы исполняются, а войска или полицейские силы готовы применить оружие. Но вопрос об исполнении приказов решается не отношением “приказ — повиновение”, а дискурсом (является ли данный приказ справедливым) и, разумеется, числом тех, кто этот дискурс разделяет. Во время событий на Майдане в 2014 году для милиции, участвующей в разгоне протестующих, важно было не то, что они выполняли приказ, а то, что они своими действиями защищают Конституцию и законно избранного Президента (в их глазах их действия выглядели справедливыми).

Поскольку дискурс “контролируется”, “подвергается селекции”, “организуется” и “перераспределяется”, это означает, что дискурс вводит нас непосредственно в сферу политического.

Рассуждать о порядке — значит говорить о политическом?

Главным антагонистом порядка является война. Она является крайним политическим средством. И поскольку война, будучи политическим феноменом, разрушает порядок, то логично предположить, что и сам порядок является понятием политическим. Так ли это?

Сфера политического не обозначает никакой отдельной предметной области, то есть политическое не есть нечто особое наряду с правом, моралью, искусством, наукой. Такое понимание политического разделяют немецкий мыслитель Карл Шмитт и французский социолог Клод Лефор. К. Лефор вообще приравнивает политическое к определенной форме общества.

Возможность войны не просто конституирует политическое как такое, она является серьезным случаем для человека в абсолютном смысле, так как “имеет отношение к реальной возможности *физической смерти*” (К. Шмитт). Это означает, что политическое устроено фундаментально и не есть “относительно самостоятельная предметная область” наряду с другими предметными областями, в которых не идет речь о жизни и смерти человека.

Поэтому порядок — это то, что противостоит “реальной возможности физической смерти” в ситуации войны. Он стремится вынести всякую возможность войны за скобки. В отличие от фундаментальности политического он всегда относителен. Порядок не является понятием политическим, поскольку политическое конституируется отношением к реальной возможности физического убийства людей людьми, а порядок пытается устранить возможность насильственной физической смерти и тем самым аннулировать политическое.

Социальному порядку предшествует война всех против всех, что ставит вопрос о социальной природе человека. Каков человек сам по себе? Получается вопрос о человеке — это вопрос о порядке; в основе порядка лежит определенное понимание природы человека.

Здесь мы близко подходим к антропологической составляющей социального порядка, поскольку касаемся вопросов о природе человека, вопросов его смерти и жизни. Заданный Гоббсом метод редукции к естественному состоянию человека как условию понимания порядка до сих пор используется современными учеными. Его представление о естественном состоянии человека (*status naturalis*), о том, как он прежде всякой культуры относится к другим людям, претендует на то, чтобы быть фундаментом всякой культуры и общества.

Для Гоббса *status naturalis* — это *status bella* (состояние войны). Фундаментально значимое политическое является “естественным состоянием”, лежащим в основе культуры. Поэтому человек для Гоббса является опасным или рискованным существом. Для Гоббса сам факт, что естественное состояние является состоянием войны всех против всех, должен мотивировать отказ от естественного состояния и переход к социальному порядку. Режим порядка — это режим безопасности.

С вопросом о социальном порядке тесно связана тема насилия и принуждения к насилию. И здесь мы подходим к определенному *парадоксу*, связанному с осуществлением социального порядка. Если для Гоббса осуществление социального порядка происходит в форме установления государства как социального устройства, исключающего повседневное насилие, то как тогда государство может требовать от своих граждан, от членов своего собственного народа *готовности умереть*? И здесь мы встречаем неожиданное решение Гоббса.

Оказывается, тот, кто во время битвы из страха за свою жизнь покидает ряды воюющих, поступает “лишь” бесчестно, но несправедливо (Левиафан XXI). В соответствии с законодательством государство может требовать от индивида только условного повиновения, которое не противоречит спасению или сохранению жизни этого индивида; ибо безопасность жизни — последнее основание государства. Поэтому человек хотя и обязан повиноваться, но не ценой своей жизни; ведь смерть является самым большим злом. Гоббс не боится сделать вывод, фактически отрицающий за мужеством добродетельный характер (О человеке, XII, 9).

“Право на сохранение голой жизни, в которой состоит естественное право Гоббса, в полной мере обладает характером неотъемлемого права человека, то есть предшествующего государству, определяющего цель и принципы государства ...; Гоббсово обоснование естественно-правового притязания на обеспечение голой жизни неизбежно ведет к созданию всей системы прав человека в смысле либерализма, если вообще не требует его” [Майер, 2012: с. 122].

Современная война и глобальная сеть

Как уже отмечалось, главным антагонистом порядка является война, которая имела большое значение для формирования западных “обществ” в эпоху модерна. Для того, чтобы вести войны, необходимо было централизованное государство, с его постоянными налогами, денежными займами, с регулярными вооруженными силами и полицией, с националистической идеологией, способной мобилизовать народную поддержку в целях привлечения финансовых и людских ресурсов.

Внезапное военное вторжение могло оказать решающее влияние на формирование классов и, соответственно, на общественную структуру. Историю Украины — да, вероятно, и большинства европейских государств — невозможно понять, не учитывая той роли, которую в ней сыграли мировые и локальные войны.

Европейское государство монополизировало право как на ведение войны в сфере международных отношений, так и на применение насилия в целях поддержания порядка внутри государства.

Однако в последние десятилетия XX века монопольное право государства на применение насилия оказалось нарушено. Это связано с упрочением глобальной сети и ослаблением способности национального государства поддерживать границы системы и автономно регулировать обменные процессы с внешним миром. Появился новый тип организованного насилия, который не связан с государственными институтами. В современных конфликтах участвуют не только суверенные государства, но парагосударственные образования, члены которых не носят униформы.

Несмотря на то, что большинство этих вооруженных конфликтов носят локальный характер, они включают в себя несчетное число транснациональных связей, отчего трудно провести различие между внутренним и внешним, между гражданской войной и агрессией другого государства, между локальным и глобальным.

Два наиболее распространенных типа современных вооруженных конфликтов или новых войн — это затяжные вооруженные конфликты между государствами и гуманитарные войны.

Источник возникновения новых войн следует искать в частичной утрате суверенитета национальным государством или его дезинтеграции. В частности, таким источником является утрата монополии на легитимное насилие. Способность государств в одностороннем порядке применить силу против других государств значительно ослабла, поскольку в связи с участием в глобальных сетях (государство может быть членом того или иного военного блока) его решение начать военные действия должно быть согласовано с остальными участниками блока — произошла “транснационализация” вооруженных сил. С другой стороны, монополии государства на организованное насилие разрушает приватизация войны.

Приватизация войны характеризует современные вооруженные конфликты, когда воюющими сторонами являются гражданские лица, взявшие за оружие, а также возрождение частных вооруженных подразделений. Так, в 1996 году в США была создана частная военная компания “Blackwater”, занимающаяся обеспечением безопасности и располагающая штатом приблизительно из 50 000 наемников со всех концов света. Эти частные организации стали опорной точкой для развертывания сил в Персидском заливе. Частные компании брали на себя те функции, которые раньше выполняли солдаты: обеспечивали безопасность высокопоставленных руководителей, охраняли военные базы, эскортировали подрядчиков. Если в начале оккупации в Ираке находилось около 10 тысяч частных солдат, то три года спустя их было 48 тысяч из разных стран мира. Появление этих параллельных частных инфраструктур важно отнюдь не только с точки зрения поддержания безопасности, его можно оценить как некое государство в государстве, обладающее вооруженной силой, сравнимой с возможностями настоящего государства.

Вооруженный конфликт на юго-востоке Украины также может служить примером приватизации войны. В этом конфликте со стороны Украины участвует более 30 добровольческих батальонов, которые имеют сложные отношения с командованием регулярных частей. Так, батальоны “Днепр-1”, “Донбасс”, “Азов”, “Шахтерск” были сформированы и финансировались, согласно материалам масс-медиа, украинским миллиардером И.Коломойским. А батальоны ДУК “Правый сектор” вообще отказываются подчиняться центральному командованию.

Исследователь современной войны и конфликта М.Калдор считает, что новые войны отличаются от прежних тем, что в них отсутствуют идеологические или геополитические цели, что цели новых войн лежат в области политики идентичности. Под политикой идентичности (М.Калдор) понимается притязание на власть определенной социальной группы на основе партикулярной идентичности — будь то национальной, клановой, религиозной или языковой.

Политика идентичности, согласно М.Калдор, противоположна политике идей, поскольку строится на регрессивных политических проектах, которые ищут источники легитимности в национальной памяти и традиции, тяготеют к фрагментарности и не могут предложить универсальный объединяющий политический проект.

Другая особенность новых войн связана с характером ведения боевых действий, когда используется опыт партизанской войны или операций по борьбе с повстанцами. Если в регулярной войне цель состоит в захвате территории посредством более или менее крупных сражений, то для новой войны главным является установление политического контроля.

Третья особенность новой войны представлена новыми участниками боевых действий. В отличие от организованных и иерархически подчиненных регулярных войск, участники новых войн состоят из различных групп, среди которых и криминальные банды, и полицейские силы, и регулярные армии.

А питает новые войны децентрализованная экономика, когда боевые формирования сами обеспечивают себя посредством грабежа населения, захвата заложников, черного рынка, изъятия гуманитарной помощи и др.

Предложенная М.Калдор характеристика новых войн, несмотря на ряд верных замечаний, достаточно противоречива. Прежде всего это касается различия между идеологическими войнами прошлого и современными, основанными на политике идентичности. Возникает представление, что идеологические войны несли в себе какую-то универсальную идею, способную объединить человечество и стать, вероятно, неким этапом к построению нового общества. Вызывает возражение также утверждение о том, что для новой войны важен не военный захват территории, а установление политического контроля над ней. «Новая война стремится контролировать население, расправляясь с любым носителем иной идентичности и нагнетая атмосферу террора» [Калдор, 2013: с. 43]. Как можно контролировать население, если территория захвачена противником и он там устанавливает свои правила и законы?

В то же время М.Калдор справедливо считает, что новые войны нужно рассматривать только в контексте глобальной мировой сети, в них отражается противоречие глобального — локального между представителями глобального класса, которые говорят по-английски, имеют доступ к Интернету и спутниковому телевидению, пользуются долларами и евро и могут свободно путешествовать, и теми, кто исключен из глобальных процессов, живет за счет того, что может продать или обменять либо получить в виде гуманитарной помощи, чье передвижение ограничивают блок-посты, визы и стоимость путешествия и кто страдает от осадного положения, вынужденного перемещения, голода, мин и т.д. [Калдор, 2013: с. 36].

Гуманитарная интервенция и дискриминационная война

Несколько иначе к пониманию современных войн подходит французский социолог А.де Бенуа. Он обращает внимание на такое новое явление в международной политике, как гуманитарные войны, которые тоже своим появлением обязаны укреплению и расширению глобальной сети. Согласно его точке зрения, гуманитарные войны превращаются в полицейские опера-

ции, нарушающие суверенитет государства, стираются традиционные различия между тылом и фронтом, бойцами и гражданскими лицами, регулярными войсками и нерегулярными, полицией и армией, внутренними делами и внешними, исчезают границы между войной и миром [Бенуа, 2013: с. 41]. Как видим, позиция Бенуа в общей характеристике современных войн совпадает с анализом М.Калдор. Однако в своем исследовании он опирается на работы известного немецкого юриста и социального мыслителя К.Шмитта, в частности на его статью “Поворот к дискриминационному понятию войны” (1938). Дискриминационное понятие войны для К.Шмитта отвергает юридическое понимание войны, когда война — это право любого суверенного государства, и замещает его моральными понятиями. К.Шмитт считал, что лишь морально нейтральное понятие войны, исключающее персональную ответственность, совместимо с суверенитетом субъектов международного права, ибо право начинать войну по произвольным основаниям конститутивно для суверенитета государства. Обращаясь к истории европейских войн, К.Шмитт отмечает, что первоначально теория справедливой войны выступала в качестве инструмента, оправдывавшего войны христианских государств с нехристианами. По его словам, учение о справедливой войне “должно было различать распри и войны, которые вели между собой христиане, т.е. противники, подчинявшиеся авторитету церкви, и все прочие войны” <...> “Осененные авторитетом церкви крестовые походы и миссионерские войны, без всякого их деления на наступательные и оборонительные *eo ipso* были справедливыми войнами; государи и народы, упорно не желавшие подчиняться авторитету церкви, например евреи и сарацины, *eo ipso* являлись *hostes perpetui* (вечными врагами)” [Шмитт, 2008: с. 131–132]. С точки зрения права, справедливой войной признается та война, которая ведется *ex justa causa* (на законных основаниях), то есть ради осуществления справедливых требований. Однако что является справедливыми требованиями и от чего зависит законность оснований для ведения военных действий, определяется моральными соображениями, которые не подлежат юридической кодификации. Более того, справедливость или несправедливость поводов для начала той или иной войны может по-разному восприниматься различными участниками конфликта, поскольку каждый участник конфликта стремится представить свои мотивы в качестве справедливых.

Одновременно с понятием справедливой войны формируются и понятия законного и незаконного (несправедливого) врага. Законным врагом в войнах христианских государств может выступить другое христианское государство. В вооруженном конфликте с ним следует руководствоваться определенными нормами, теми правилами, которыми, например, руководствуются противники на дуэли.

Согласно К.Шмитту, в середине XVII века благодаря Вестфальскому мирному договору в европейских международных отношениях был совершен прорыв, положивший конец религиозным войнам в Европе, когда война стала трактоваться в том смысле, что каждый участник военного конфликта имел основание отстаивать свое право. “Право на войну” было заменено на “право на войне”.

Однако реальная история войн во времена Старого порядка контрастирует со шмиттовским понятием недискриминационных войн как цивилизованных, рационализированных и ограниченных рядом правил. Войны меж-

ду государствами в период Нового времени происходили постоянно и могли приводить к структурным изменениям внутри обществ, которые превращались в военные государства. Под давлением военной конкуренции и связанного с ней роста государственных долгов эти государства приходили в упадок. Соответственно и влияние войн на гражданское население было далеко от рациональности и цивилизованности. Солдаты, как правило, не обеспечивались провизией и жили за счет грабежа и мародерства.

Тем не менее, считает Шмитт, в начале XX века в Европе в сфере международных отношений произошел возврат к понятиям справедливой войны. Поворотной точкой в возврате международного права и международных отношений к концепции справедливой войны можно считать подписание в 1919 году Версальского мирного договора. Договор содержал положения, которые квалифицировали немецкого кайзера Вильгельма II как военного преступника, ответственного за “высшее оскорбление международной морали и священной силы договоров”, а также предусматривали существенные санкции в отношении Германии как виновника развязывания Первой мировой войны.

Несмотря на некоторые исторические неточности шмиттовское учение о дискриминационном характере войны было направлено на то, чтобы внести элемент права в военные конфликты между государствами и обосновать морально нейтральное понятие войны. Лишь практика недискриминирования войны имеет возможность ограничивать военные действия и предохранять от зла тотальной войны. Для А. де Бенуа работы К.Шмитта позволяют понять, что современные гуманитарные войны являются дискриминационными и в значительной мере соответствуют возврату к понятию “справедливой войны”.

Согласно дискриминационному понятию войны, враг отныне не противник, который в других обстоятельствах мог бы быть и союзником. Теперь это абсолютный враг. Представляемый дьяволом, преступником, олицетворением Зла, он воспринимается в качестве врага человеческого рода, которого необходимо уничтожить. В таком случае против него можно использовать любые средства — экономические санкции, бомбежки мирного населения, поскольку речь более не о том, чтобы вести с ним мирные переговоры, ведь допускается лишь безоговорочная капитуляция [Бенуа, 2013: с. 45].

Однако критика современных гуманитарных войн со стороны К.Шмитта и А. де Бенуа как дискриминационных оказалась в конечном счете направлена против интервенционистской политики прав человека. Осуществление прав всемирного гражданства для данных авторов оказывается вариантом справедливой войны и тем самым выражает дискриминирующее понятие войны и представляет собой тенденцию к тотальной войне.

Такая точка зрения на политику прав человека, утверждение о том, что международное осуществление прав человека приводит к морализации политического действия, является ошибочным. Как отмечал Ю.Хабермас, права человека не следует путать с моральными правами. Политика прав человека, проводимая всемирной организацией, извращается лишь в том случае, если для некоей интервенции, которая на самом деле представляет собой не что иное, как борьбу одной партии против другой, она под видом кажущейся юридической легитимации, заполучает легитимацию морального свойства.

Итак, в эпоху модерна границы локального сообщества, в которых осуществлялся социальный порядок, определялись возможностью и скоростью передвижения, что зависело от имеющихся средств транспорта и связи. Пространство было важным условием взаимодействия социальных акторов. Однако сегодня его значение в качестве важного условия социального порядка утрачивается. Меняется механизм рефлексии о пространстве как функции целей и техник управления обществом. Отсюда проблема установления того или иного типа социального порядка выходит за рамки деятельности отдельного государства и органов его управления.

Украина как суверенное государство не может самостоятельно вне участия мирового сообщества решить свои внутренние проблемы, завершить войну на юго-востоке и заключить мир и тем самым приблизиться к установлению социального порядка.

Проблема социального порядка, которая традиционно рассматривалась в рамках отдельного локального сообщества, требует для своего решения кардинального изменения точки зрения, перехода от идеи национального территориального государства, контролирующего определенную территорию, к понятию глобального сообщества.

Источники

Бенуа А.де. Карл Шмитт сегодня / Ален де Бенуа. — М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. — 192 с.

Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Мэри Калдор. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 416 с.

Кастельс М. Власть коммуникации / Мануэль Кастельс; пер. с англ. — М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 с.

Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и “Понятие политического” / Хайнрих Майер; пер. с нем. — М.: Скимень, 2012. — 192 с.

Платон. Евтифрон / Платон // Диалоги. — М.: Мысль, 1986. — С. 250–267.

Фуко М. Порядок дискурса / Мишель Фуко // Воля к истине; пер. с франц. — М.: Магистериум, 1996. — С. 49–97.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Юрген Хабермас; пер. с нем. — СПб.: Наука, 2001. — 417 с.

Шмитт К. Номос Земли в праве *jus publicum europaeum* / Карл Шмитт. — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 670 с.